

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

Серия **ИНФОРМАЦИОННЫЙ**
ВЫПУСК № 42 (1648)
«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья М. Жегловой «Дети-маугли», опубликованная в газете «Завтра», № 12, март 2019 г.

Вологда
апрель 2019

«Дети-маугли»

Происки ювенального лобби

Похоже, что сейчас мы внезапно оказались на пороге внедрения печально известной финской модели «защиты прав детей». Заказчики, видно, очень спешат, поэтому пропагандистская машина, формирующая общественное мнение, работает настолько грубо и прямолинейно, что даже люди, далёкие от информационных войн, понимают, что тут «не всё так однозначно». Я имею в виду обрушившийся на нас в последние несколько дней шквал сюжетов различных СМИ, в которых фигурируют слова «ребёнок-маугли», «брошенный ребёнок», причём к месту и не к месту.

Первый случай, шокировавший всех, – девочка Люба с вросшим в шею украшением, которую извлекли из квартиры-помойки в САО Москвы. История действительно страшная. Буквально через пару дней, по сообщению РИА «Новости» от 12 марта, «девочка-маугли», «брошенный ребёнок» в Раменском, которая, правда, как позже выяснилось, вовсе не «брошенная» и совсем не «маугли» оказалась, а просто мама оставила её на ночь одну в квартире. Тоже, конечно, беспорядок, но мало ли что в жизни бывает, надо разбираться, а «маугли»-то тут при чём? Потом было ещё несколько случаев, как, например, с детьми, которые несколько дней находились с умершей матерью в питерской коммуналке (внимание: всё на «пространстве» нескольких дней, всё в топе Яндексса!), и 18 марта – как некая кульминация – новость о «мальчике-маугли», умершем в Москве от остановки сердца (и мама-то, как оказалось, была с ним дома в это время!). Да, в семье были проблемы, но мальчик получал лечение и не был брошенным ребёнком. Опять же – при чём тут «маугли»?!

Налицо откровенная и довольно топорная манипуляция многострадальным общественным сознанием, ключевая лингвистическая конструкция которой – «дети-маугли». С нами опять играют в «языковые игры». Чего хотят? Ничего нового – тотального контроля над се-

мьями. Только и всего. Ведь какой «выход из создавшейся ситуации» тут же предложила уполномоченный по правам человека в Москве Татьяна Потяева? Изменить правила доступа органов опеки в семью. Понятно теперь, почему в ряде публикаций контрапунктом звучала тема «это всё потому, что родители не пускали в квартиру опеку»? Уже после второго случая мы (общественники), затаив дыхание, стали ждать, какой законодательной инициативой обернётся эта медийная эпопея о «детях-маугли». Ясно же было, что «это ж-ж-ж неспроста»! И дождались! Но пока только заявления омбудсмена. Поэтому медийная операция под кодовым названием «дети-маугли» продолжается.

Поскольку речь идёт о детях, язык не поворачивается сказать «запасаемся поп-корном», хотя перед нами – именно шоу. Точнее, спланированная пиар-акция, по завершении которой общественное мнение должно быть настроено так, чтобы «народомасса» согласилась и даже потребовала предоставить органам опеки и Комиссии по делам несовершеннолетних (КДН) свободный вход в любой дом. Совсем как в Финляндии. В перспективе, наверное, ещё и ключ от квартиры. И новая «история, леденящая кровь» не заставила себя ждать. Ещё один «ребёнок-маугли» нашёлся в Подмоскovie. Автор заметки, Е. Королёва, показывает нам «трэш» в лучших традициях пропагандистского жанра: «несколько дней один в квартире с трупом убитой бабушки, которую он пытался разбудить». Вскоре, правда, выяснилось, по сообщению информационного агентства ТАСС, что «информация о том, что ребёнок несколько дней провёл с мёртвой бабушкой один в квартире, не соответствует действительности». Но кому это уже интересно? И опять в первых строчках – «ребёнок-маугли», хотя нашли его отнюдь не в лесу и даже не в собачьей конуре, и зверушки его не выкармливали (как, кстати, и во всех предшествующих случаях).

Не думаю, что г-жа Королёва и её коллеги-журналисты не в курсе, кто такие «дети-маугли» на самом деле. Дети, у которых в семье, скажем так, не вполне благополучно – всё-таки другая категория. Но надо же навязать определённый ассоциативный ряд, вызвать накал эмоций, который захлестнет обывателя, и он возопит: «Доколе?!». Это заказ, отработываемый журналистами по всем правилам ведения «информационных войн», в этом нет никаких сомнений. Сопротивление родительской общественности ювенальным технологиям ещё достаточно сильно. И новости о «детях-маугли» будут появляться в

СМИ до тех пор, пока почтеннейшая публика окончательно не убедится в том, что чуть ли не в каждой квартире сидит по «ребёнку-маугли», что даже внешне приличный вид родителей не должен вводить в заблуждение, будто в доме всё хорошо, и там нет мусорных куч и трупов умерших родственников, поэтому на всякий случай контролировать нужно всех. Вот тут-то, может, и явится в Думе на рассмотрение соответствующий законопроект. И судя по агрессивному пропагандистскому напору, этот день не за горами.

Мария Жеглова